

A $\frac{218}{536}$

s 1634r.

А 218
536.

Ч. Оглоблицъ.

ЗАГОВОРЪ ТОМСКОЙ „ЛИТВЫ“

въ 1634 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4
1894.

Заговоръ Томской „литвы“ въ 1634 г.

I.

Въ колонизаціи Сибири за XVII в. весьма видное участіе принимали „литва“ и „черкасы“, т. е. бѣлоруссы и малороссы. Впрочемъ, подъ „литвою“ въ XVII в. разумѣлись не одни только бѣлоруссы и литовцы въ собственномъ смыслѣ, но также и *поляки*, черкасы, латыши и др. подданные Польскаго государства. Только въ тѣхъ официальныхъ документахъ, которые описываютъ моментъ ссылки разныхъ „иноземцевъ“ въ Сибирь, еще возможно (хотя и не всегда) отличить бѣлорусса отъ поляка, отъ черкашенина и т. п. Напр. въ „рописи ссыльнымъ опальнымъ людямъ“, присланнымъ вмѣстѣ съ ихъ семьями въ 1651 г. въ *Кузнецкъ*, въ службу и на пашню, ясно различается національность сосланныхъ: „полякъ“ Янко Шварць, „черкасы“—Ив. Бидарь, Демка Губаренко, Троф. Момоть, Куз. Уманской, Вас. Водопьянъ, Яцко Золотаренко и проч.¹⁾ Но разъ эти поляки, черкасы, бѣлоруссы и пр. верстались въ государеву службу, или садились на „государеву пашню“, ихъ національное происхожденіе исчезаетъ: попавшіе въ „пашенные крестьяне“ они совершенно сливаются съ великорусскимъ крестьянствомъ, а поверстанные въ службу образуютъ по сибирскимъ городамъ особую группу служилыхъ людей подъ общимъ именемъ „литвы“ или „*литовскаго списка* козаковъ“. Если въ этихъ отрядахъ служилой „литвы“ можно иногда хотя бы по фамиліямъ отличить черкасовъ отъ поляковъ и бѣлоруссовъ, то ужъ въ массѣ сибирскаго крестьянства

¹⁾ См. въ Моск. архивѣ м—ва юстиціи *Сибир. приказа* столбецъ № 112, л. 535.

даже по этимъ признакамъ нельзя отдѣлить малоросса и др. „литвы“ отъ великоросса, потому что первые съ теченіемъ времени теряютъ свои мѣстные „прозвища“ и получаютъ новыя, а чаще, подобно великороссамъ, именуются только по отчествамъ (см. въ Сибирскомъ приказѣ „крестьянскія книги“ XVII в., т. е. именные списки крестьянъ).

Вся эта „литва“ (т. е. поляки, малороссы, бѣлоруссы и проч.) заселяла въ XVII в. Сибирь конечно не добровольно. Правда, попадаютъ хотя изрѣдка и добровольные переселенцы изъ „литовскихъ людей“: такихъ добровольцевъ можно иногда встрѣтить среди того сброда, который, подъ именемъ „гулящихъ людей“, въ большомъ количествѣ поселялся въ XVII в. въ Сибири и здѣсь или шелъ въ государеву службу, или садился на земляхъ, занимался торговлей, промыслами и пр. Главную массу „гулящихъ людей“ составляли русскіе крестьяне, посадскіе, дворовые и др. люди, но изрѣдка мелькаютъ среди нихъ и типичные Носевки, Губенки и т. п.

Но это были исключенія. Въ большинствѣ же случаевъ „литва“ появлялась въ Сибири въ качествѣ *ссылныхъ* людей изъ военно-плѣнныхъ, разнаго рода „измѣнниковъ“ и проч. Определить количество ихъ трудно. Проф. Буцинскій подсчиталъ въ извѣстныхъ ему архивныхъ и печатныхъ источникахъ „около 1500 человекъ“ *ссылныхъ* за періодъ съ 1593 г. по 1645 г., въ томъ числѣ онъ нашелъ—около 650 иноземцевъ разнаго рода, (поляки, литвины, нѣмцы и др.), 366 черкасовъ, остальные великороссы¹⁾. Но онъ рѣшительно оговаривается, что цифра—1500 человекъ—только приблизительная. Да, она слишкомъ гадательна и ее смѣло можно увеличить едва-ли не вдвое. Довольно точный подсчетъ г. Буцинскій могъ сдѣлать только за десятилѣтіе 1614—1624 г.г. и за одинъ этотъ короткій періодъ получилось 560 *ссылныхъ*. Но и предъидущее и послѣдующія десятилѣтія были бурны не меньше періода 1614—24 г.г.: военныя и политическія обстоятельства не переставали давать московскому правительству значительное количество *ссылныхъ* черкасъ, литвы и пр. Притомъ же, изъ приводимаго г. Буцинскимъ перечня отдѣльных случаевъ ссылки²⁾ видно, что ему

¹⁾ „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“, с. с. 198—199.

²⁾ Ibid., 199—204.

были извѣстны далеко не всѣ эти случаи... Для примѣра укажу на пропущенный имъ случай ссылки въ 1642 г. на р. *Лену*, къ воеводѣ *Ш. П. Головину*, 188 черкасъ съ женами и дѣтьми, уроженцевъ Чугуевского, Курскаго и Воронежскаго уѣздовъ¹⁾.

Съ другой стороны, г. Будинскій упустилъ изъ виду, что далеко не всѣ изъ ссыльныхъ иноземцевъ оставались навсегда въ Сибири; напротивъ, многие, именно изъ военноплѣнныхъ, были только временными поселенцами Сибири и затѣмъ возвращались на родину вслѣдствіе заключенія міра и „размѣна вязней“ (т. е. взятыхъ въ плѣнъ). Приведу нѣкоторые изъ такихъ случаевъ отпуска и „размѣна“ военноплѣнныхъ, относящихся къ „литвѣ“²⁾.

Въ 1634—37 г.г. производилось въ Сибирскомъ приказѣ дѣло о возвращеніи „по посольскому договору и вѣчному dokonчанью“ сосланныхъ въ Сибирь въ 1633—34 г.г. „литовскихъ и нѣмецкихъ людей и жидовъ“, которые во время „Смоленской службы“ (похода) были „иманы на боѣхъ и языцѣхъ“³⁾ и сосланы въ Сибирь въ службу и на пашню. На родину отпускались всѣ, кромѣ тѣхъ иноземцевъ, которые „похотели остаться“, а также приняли православіе и женились на русскихъ. Впрочемъ, относительно принимавшихъ православіе не было установлено однообразнаго правила: иногда ихъ обязательно удерживали въ Россіи, въ другой разъ предоставляли на ихъ волю—остаться или уѣзжать. Въ дѣлахъ сохранились „именныя росписи“ иноземцевъ какъ ѣдущихъ на родину, такъ и остающихся въ Сибири, также умершихъ тамъ и пр., съ указаніями ихъ національности, состава семьи, службы или крестьянства и проч.⁴⁾

Сохранились еще два дѣла о возвращеніи изъ Сибири польскихъ, литовскихъ, еврейскихъ и нѣмецкихъ людей въ 1660—64 г.г. по случаю размѣна „вязней“⁵⁾ и въ 1667—68 г.г., вслѣдствіе за-

¹⁾ Сибир. приказа столбецъ № 206, л. 222 и слѣд.

²⁾ Правда, г. Будинскому извѣстенъ одинъ случай „размѣна“ литвы въ 1619 г. (см. стр. 200—201), но авторъ не обратилъ вниманія на значеніе этихъ фактовъ въ вопросѣ объ убыли въ колонизаціи Сибири иноземцами.

³⁾ „Языки“—ратные и др. люди непріятельской стороны, взятые въ плѣнъ для распросовъ о положеніи непріятеля, иногда—непріятельскіе шпіоны. Очевидно, „жиды“ попадали въ плѣнъ нѣ какъ-то только „языковъ“.

⁴⁾ Сибир. приказа столбцы №№ 55 и 59 (л. 36 и слѣд.).

⁵⁾ Столбецъ № 557.

ключенія мира съ Польшей¹⁾. Въ связи съ первымъ находится особое дѣло 1665—69 г.г. о тѣхъ польскихъ и литовскихъ „вязняхъ“, которые „не похотѣли“ идти „на размѣнъ“ и били челомъ „на вѣчную службу“ государю, вслѣдствіе чего были отправлены на сибирскую службу, гдѣ многіе изъ нихъ и раньше служили, поженились на православныхъ и сами приняли православіе. На размѣнъ должны были идти „вязни“ съ 1654 года²⁾. Бывали, впрочемъ, случаи, когда литва, принявшая православіе, не отправлялась въ Сибирь, а служила въ московскихъ городахъ. Такъ въ 1660 г. была отмѣнена ссылка въ Сибирь полоцкой „шляхты“—Богдана *Подбиенты*, Казимира Храповицкаго, Ивана Завалишева и др., пожелавшихъ принять православіе³⁾.

Но не смотря на всѣ эти случаи возвращенія на родину ссыльной „литвы“, количество ея въ Сибири всегда было значительно и постепенно увеличивалось къ концу XVII вѣка, когда въ составѣ этой собирательной „литвы“ численное преобладаніе получаютъ „черкасы“.

II.

Какъ же жилось въ Сибири этимъ невольнымъ колонизаторамъ ея?—Мы видѣли, что многіе изъ нихъ добровольно „похотѣли“ остаться тамъ „на вѣчной службѣ“ государю, хотя бы могли совершенно свободно вернуться на родину. Очевидно, эти лица вполне удовлетворялись тою жизнію и дѣятельностію, какая выпадала имъ въ Сибири. Они сознательно находили здѣсь свое „второе отечество“ и служили ему по совѣсти, забывая о родинѣ. Г. Буцинскій совершенно справедливо объясняетъ это обстоятельство тѣми выгодами, какія получали иноземцы на сибирской службѣ. Большинство ихъ были „люди грамотные и сравнительно развитые“, и немудрено, что „скоро они дослуживались“ до хорошо оплачиваемыхъ высшихъ ранговъ сибирскихъ служимыхъ людей—боярскихъ дѣтей, сотниковъ, атамановъ, головъ и проч. Около 1630 г. былъ изданъ указъ, чтобы

¹⁾ Столбецъ № 991.

²⁾ Столбецъ № 812.

³⁾ Столбецъ № 575 (дѣла ссыльныхъ за 1660—64 г.г.).

„всѣ ссыльные изъ иноземцевъ, которые примуть православную вѣру, верстались въ боярскіе дѣти“¹⁾).

Но, конечно, такой „литвы“ врядъ ли было большинство... Другая часть литвы, вынужденная оставаться въ Сибири въ силу разныхъ обстоятельствъ—по случаю женитьбы на русскихъ, по мотивамъ ссылки (если это были не военноплѣнные, а „измѣнники—черкасы“ и др., или преступники) и проч.—такая литва не видѣла въ Сибири второго отечества и не переставала забывать и постоянно стремилась къ первому, тяготясь жизнью въ Сибири... Очень типичную характеристику такого настроенія литвы передаетъ г. Буцинскій, рассказывая „извѣстное дѣло“ 1637 г. ссыльнаго литовскаго чернеца *Малаха*²⁾, довольно извѣстнаго въ то время въ Сибири своими „безчинствами и многимъ воровствомъ“, а особенно своими многочисленными „извѣтнями“... Извлекаю отсюда только нѣкоторыя характерныя подробности изъ рѣчей ссыльныхъ литовскихъ монаховъ.

Чернецъ Малахъ, самъ родомъ изъ Литвы, донесъ воеводамъ про „невстовыя рѣчи“ другихъ ссыльныхъ литовскихъ монаховъ, жившихъ въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Когда въ Тобольскѣ узнали о походѣ подъ Смоленскъ московскихъ ратныхъ людей, старецъ Галактіонъ сказалъ Малаху: „послали-де ратныхъ людей подъ Смоленскъ патріархъ да *старцевъ сынъ* (т. е. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ), *захотѣли-де литвы взять; вотъ-де что имъ будетъ!*“— и „показалъ персть“ (т. е. кукишъ) Малаху... Когда этого старца Галактіона переводили вслѣдствіе доносовъ Малаха въ енисейскій острогъ, другой литовскій чернецъ Капитонъ сказалъ Малаху: „отца-де ихъ духовнаго Галактіона посылаютъ въ енисейскій острогъ за тебя худого доносчика, а ты *Малахъ забылъ свою вѣру и набрался-де русскаго собачьяго духа!*“... Дальше такого проявленія ненависти къ русскимъ трудно найти...

Но одними словами не ограничивались проявленія недовольства со стороны ссыльной литвы: при удобныхъ случаяхъ она старалась *бѣжать* изъ Сибири, и хоть это рѣдко ей удавалось, однако покушенія на побѣгъ затѣвались часто. Г. Буцинскому извѣстны 4 слу-

¹⁾ Буцинскій, 208—209.

²⁾ См. очеркъ г. Буцинскаго: „Сибирскіе архіепископы Макарій, Некмарій, Герасимъ“ (Харьковъ, 1891), с.с. 40—42.

чая массоваго побѣга изъ Сибири литвы въ первой половинѣ XVII в., когда бѣжали партіи въ 19 человекъ, 30 чел. и пр. ¹⁾). Особенно любопытна подробно рассказываемая имъ одиссея бѣгства въ 1620 г. партіи литовцевъ (и кажется—черкасъ) въ 30 чел., подъ предводительствомъ Первушки *Шершня*. Послѣ неимоверныхъ трудностей и подъ угрозой неотстававшей погони, партія достигла Двинскаго уѣзда сильно растаявши отъ погромовъ служилыхъ людей и крестьянъ, и, кажется, только 4 бѣглеца, съ Шершнемъ во главѣ, спаслись.

Но случаевъ покушеній на бѣгство литвы было гораздо больше. Одинъ изъ такихъ случаевъ—заговоръ Томской литвы въ 1634 году—рассказывается ниже.

За вторую половину XVII в. мнѣ извѣстны въ Сибирскомъ приказѣ два дѣла о покушеніяхъ сибирскихъ иноземцевъ на побѣгъ изъ Сибири: 1) дѣло о побѣгѣ въ 1660 г. изъ *Сургута* сосланныхъ туда *немцевъ*, литвы (Янъ Потемкинъ, Богданъ Халецкой и др.) и черкасъ. Партія побѣжала „на низъ Обью рѣкою“, но съ дороги добровольно вернулась, узнавши, что посланные въ погоню сургутскіе служилые люди „дорогу переняли“ ²⁾... 2) Дѣло о замыслѣ иноземцевъ сибирской службы (преимущественно поляковъ) бѣжать за рубежъ, въ 1669—71 г.г.; заговоръ обнаруженъ въ Москвѣ и въ немъ принимали участіе, повидимому, и иноземцы московской службы ³⁾.

III.

Перехожу къ передачѣ дѣла о заговорѣ Томской литвы въ 1634 году ⁴⁾. О немъ говорятъ слѣдующіе документы: 1) *отписка* томскихъ воеводъ стольника кн. Никиты Ивановича *Егунова-Черкаскаго*, товарища его Ѳедора Григорьевича *Шишкина* и дьяка Андрея *Строева*, въ іюнѣ 1634 г., 2) приложенныя къ отпискѣ *распросныя рѣчи* въ Томской съѣзжей избѣ обвиняемой въ заговорѣ литвы и др. лицъ и 3) *выпись* Сибирскаго приказа для доклада государю.

¹⁾ „Заселеніе Сибири“, с.с. 200--201, 204—208.

²⁾ Столбецъ № 594.

³⁾ Столбецъ № 829.

⁴⁾ Столбецъ № 40, л.л. 265—285.

Данныя этихъ документовъ не особенно подробны и сущность ихъ заключается въ нижеслѣдующемъ.

Томскъ съ давнихъ лѣтъ былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ Сибири, куда ссылалась литва въ службу и на пашню. Въ августѣ 1633 г. была прислана туда большая партія „литовскихъ людей“ въ 150 человекъ. Часть ихъ была поверстана въ „конные и пѣшіе козаки“, а нѣкоторые попали и въ боярскіе дѣти, остальные же написаны въ пашенные крестьяне. Большинство „новоприсыльныхъ литовскихъ людей“ было изъ Бѣлоруссіи—уроженцы „повѣтовъ“ Мстиславскаго, Кричевскаго, Оршанскаго, Могилевскаго, Пропойскаго и др. Но были между ними и черкасы главнымъ образомъ изъ Нѣжинскаго повѣта, затѣмъ изъ Стародуба, Чернигова, Павлочи и др. Одинъ былъ родомъ изъ Львова, одинъ назвалъ себя „бѣлорусцемъ“ и проч.

Вся эта разношерстная „литва“ съ трудомъ жила въ новой обстановкѣ и дѣятельностію и томилась тоскою по родинѣ... Если попавшіе въ боярскіе дѣти отчасти примирались съ своимъ обезпеченнымъ положеніемъ, то рядовые козаки и крестьяне не имѣли и этого утѣшенія. Именно среди „новоприсыльныхъ“ козаковъ и крестьянъ началось вскорѣ броженіе, незамедлившее перейти въ открытый заговоръ, поставившій своею цѣлью—добиться освобожденія изъ Сибири и возвращенія на родину... Мысль эта бродила и у „староверстанной“ Томской литвы, но ея было мало и она не могла отважиться на рѣшительныя дѣйствія. А тутъ сразу прибыло 150 человекъ новой литвы—сила значительная для глухой Сибири того времени!.. Съ такою силою можно было пуститься и въ рискованныя предпріятія... Исторія побѣга Первухи Шершня была еще жива въ памяти старожиловъ. Если тогда 30 человекъ рискнули на бѣгство изъ Сибири, то съ такою силою литвы, какаѣ теперь была въ Томскѣ (вмѣстѣ съ старою литвою число ея доходило до 200 человекъ), трудно было ей не попробовать счастья...

Мысль о побѣгѣ была всеобщею среди литвы, но непосредственное участіе въ заговорѣ приняли около 50 служилыхъ людей (1 боярскій сынъ, 1 „затинщикъ“, остальные конные и пѣшіе козаки) и около 25 крестьянъ.

Во главѣ заговора стояли конные козаки Иванъ Петровъ *Бѣлшовецъ* (нѣжинецъ), изъ „новоприсыльной литвы“, и Иванъ *Красно-*

польской, „староверстанный литвинъ“ (а потому его родина неизвѣстна). Какъ старожиль томскій, Краснопольскій имѣлъ въ городѣ свой дворъ, въ которомъ жилъ и Бѣлиловецъ. Что именно послѣдній былъ главою заговора, объ этомъ единогласно утверждаютъ всѣ его товарищи, а томскіе воеводы въ отпискѣ царю такъ о немъ выражаются: „а *первый* у нихъ всему тому злomu совѣту *заводчикъ* Иванъ Бѣлиловецъ“...

Но роль Ивана Краснопольскаго не такъ ясна. Повидимому, онъ не былъ сознательнымъ главаремъ заговора и если очутился на первыхъ роляхъ, то совершенно случайно и только потому, что Бѣлиловецъ жилъ въ его домѣ и именно здѣсь, у Бѣлиловца, собирались заговорщики—„думали“ и „совѣтовали“ о своемъ дѣлѣ. Правда, нѣкоторые товарищи Краснопольскаго говорили о немъ, что онъ „въ той ихъ воровской думѣ съ ними жъ былъ и бѣжать съ ними хотѣлъ же“... Но другіе обвиняли Краснопольскаго только въ томъ, что въ его дворѣ заговорщики „совѣтъ воровской“ держали. А воеводы въ своей отпискѣ хотя и ставятъ Краснопольскаго въ числѣ главныхъ зачинщиковъ, но говорятъ о немъ съ такою странною оговоркою: „а онъ съ ними жъ (заговорщиками) думалъ *въ началѣ*“..., т. е. какъ будто впоследствии онъ отказался отъ „воровской думы“ своихъ товарищей. Однако, какъ увидимъ ниже, Краснопольской былъ жестоко наказанъ наравнѣ со всѣми „пущими заводчиками“.

Въ числѣ послѣднихъ документы выставляютъ еще нѣсколькихъ лицъ, именно: „затинщика“ Василя *Борисова*, коннаго козака Мосяжку (Моисей?) *Голящевскаго*, пѣшихъ козаковъ Софрона *Стасейскаго* (нѣжинецъ), Кондрата *Михайлова* („козакъ изъ Носовки“) и Тимофея *Левонтьева*, крестьянина Софрона *Иванова* и Зеновія *Левонтьева*—„холопа“ томскаго воеводы кн. Егупова-Черкаскаго. Только затинщикъ и воеводскій холопъ были изъ „старой литвы“, а всѣ остальные изъ „новоприсыльных“. Привлеченіе къ заговору Зиновья Левонтьева было очень ловкимъ шагомъ со стороны заговорщиковъ: черезъ него они могли узнавать всѣ новости съ воеводскаго двора и сообразно съ обстоятельствами вести свое дѣло...

Любопытно участіе въ заговорѣ представителя высшей служилой знати Томска—боярскаго сына Михаила *Гробовецкаго*, также изъ новоприсыльной въ 1633 году литвы. Свидѣтели говорятъ о немъ, что онъ былъ „въ думѣ“ съ остальными заговорщиками. 14

іюня 1634 г. (день открытія заговора) Гробовецкій посылалъ Кондрата Михайлова къ Ивану Бѣлиловцу съ вопросомъ: что-де у васъ приговорено—и вы-де готовитесь-ли?... Да и самъ Гробовецкій признавался впослѣдствіи на допросѣ: „въ винѣ-де ево воленъ Богъ да государь!... *вся-де литва одномышлена*—въ одной думѣ съ Ивашкомъ Бѣлиловцомъ“... Это было его первое показаніе, а на второмъ онъ слѣлалъ существенную оговорку, будто въ заговорѣ замѣшана далеко не вся литва, а только „нововерстанные“ въ конные и пѣшіе козаки и въ крестьяне, но верстанные въ боярскіе дѣти изъ старой и новой литвы къ заговору неприкосновенны... Но, кажется, первое показаніе Гробовецкаго болѣе заслуживаетъ довѣрія по своей искренности и естественности...

„Воровское лихое дѣло“, которое „умыслили“ литовскіе люди, заключалось въ томъ, чтобы „побить“ *воеводъ* и другихъ русскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей, „пограбить казну“ денежную, соболіную и „зелейную“ (порохъ и пр.), „а городъ и острогъ и посады *жечь*, и взявъ лошадиное стадо, *бѣжать* степью мимо Тары на Волу и проиматца въ Литву“... Замысль хотѣли выполнить лѣтомъ 1634 г.—„изплоша въ дѣловую пору—въ жнитво и въ сѣнокось, а въ тое пору служилые люди живутъ по заставамъ, и въ проѣзжихъ и въ отѣзжихъ сторожахъ, а въ городѣ въ тое въ дѣловую пору людей живетъ мало“... Овладевши городомъ и избивши воеводу и русскихъ служилыхъ людей, литва собиралась отправиться въ Томскій уѣздъ и на пашняхъ, сѣнокосахъ, заставахъ и проч. уничтожить остальныхъ служилыхъ людей, чтобы избѣжать всякой погони за собою, затѣмъ—бѣжать на родину...

Однако, этимъ широкимъ планамъ не удалось сбыться... 14 іюня явился въ сѣвскую избу къ воеводамъ пашенный крестьянинъ Тимофей Емельяновъ *Смолянинъ* и „извѣщалъ въ измѣнномъ дѣлѣ“ на козаковъ Ив. Бѣлиловца, Кондр. Михайлова, Тим. Левонтьева и вообще на всѣхъ 150 новоприсыльныхъ литовскихъ людей... Воеводы не причисляютъ Смолянина къ литвѣ но судя по прозвищу онъ былъ уроженцемъ Смоленскаго уѣзда и въ качествѣ таковаго могъ быть въ числѣ старой или новой литвы. По крайней мѣрѣ, между участниками заговора былъ одинъ уроженецъ Смоленскаго уѣзда изъ новоприсыльной литвы. Очевидно, что и Тим. Смолянинъ былъ въ числѣ заговорщиковъ: онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ

съ однимъ изъ главныхъ „измѣнщиковъ“—съ Кондратомъ Михайловымъ, и отъ него слышалъ всѣ подробности заговора. Утромъ 14 іюня Кондратъ говорилъ Смольянину: „дѣлать-де имъ то воровское дѣло *вскорѣ*“... Это-то сообщеніе и заставило Смольянина измѣнить своимъ товарищамъ и выдать всѣхъ ихъ правительственной власти.

Воеводы немедленно схватили указанныхъ Смольяниномъ главныхъ заговорщиковъ и др. литовскихъ людей и „про тотъ воровской заводъ роспрашивали и *пытали* и *огнемъ жили*“... Всѣ главные дѣятели заговора „винились“ во всемъ, въ чемъ оговорилъ ихъ Смольянинъ—что они хотѣли овладѣть городомъ и бѣжать въ Литву... Мосяжка Голящевскій между прочимъ назвалъ „пущими заводчиками“ воеводскаго холоца Зиновья Левонтьева и крестьянина Софрона Иванова, приписывая именно имъ мысль—убить воеводу, сжечь городъ и ограбить государеву казну...

Второстепенные дѣятели заговора—казаки также частію „винились“, что „въ воровской думѣ“ были и „воровской заводъ вѣдали“, но большинство увѣряло, что только „слышали“ про „воровской заводъ у своей брати“, иные даже указывали—отъ кого именно слышали. Только одинъ литвинъ (Захаръ Сергѣевъ) прямо сказалъ, что хотя обо всемъ „слышалъ“, но „самъ бѣжать не хотѣлъ“... Но часть казаковъ и всѣ крестьяне рѣшительно заявляли, что о заговорѣ ничего „не вѣдали“, такъ какъ „были въ тѣ поры на лѣшемъ (лѣсномъ) промыслу“, или просто говорили, что „про воровской заводъ не слыхали“...

Томскіе воеводы кн. Егуповъ-Черкасской и Шишкинъ и дьякъ Строевъ поступили съ заговорщиками очень рѣшительно: не отписываясь въ Москву и не дожидаясь государева указа, они—„за такую великую измѣну и за воровской лихой заводъ, которые въ томъ воровскомъ дѣлѣ *большіе пущіе заводчики—12 человекъ велики почитать*“...

Жестоко поступили воеводы съ людьми не заслуживавшими такой страшной кары, но они оправдывались тѣмъ, что „во многихъ, государь, въ Томскомъ въ ссыльныхъ въ *литовскихъ* и въ *русскихъ* (sic!) людяхъ, въ *донскихъ* и въ *волскихъ* казакахъ и въ пашенныхъ крестьянахъ *о побѣдѣ шатости*“ существуетъ... Для успокоенія этой-то „шатости“ воеводы и принесли въ жертву 12 несчастныхъ литовскихъ людей... Вообще, воеводы увѣряютъ, что если въ Томскѣ и

города его „Разряда“ по прежнему будут присылаться „ссылные литовскіе и русскіе воровскіе люди въ служилые и въ пашенные крестьяне—и отъ тѣхъ воровскихъ ссыльныхъ людей *отроче дурна и воровского заводу некоторого добра не чаятъ же*“...

Вотъ имена казненной литвы: конные козаки—Ив. Бѣлиловецъ, Ив. Краснопольской и Мосяжка Голящевской, затинщикъ Вас. Борисовъ, пѣшіе козаки—Софр. Стасейской, Кондр. Михайловъ, Тим. Левонтьевъ, Гавр. Гришинъ (нѣжинецъ), Ив. Степановъ Басань („съ Паволочья“), Петръ Салтыковской (Мстиславскаго повѣта), крестьянинъ Софр. Ивановъ и воеводской холопъ Зиновій Левонтьевъ. Остальные заговорщики были посажены въ тюрьму. „Распросныя и пыточные рѣчи“ воеводы отправили въ Сибирскій приказъ.

Изъ воеводской отписки и распросныхъ рѣчей Сибирскій приказъ составилъ „выпись“ о количествѣ казненныхъ литовскихъ людей и посаженныхъ въ тюрьму и вообще объ обстоятельствахъ заговора. Выпись назначалась для доклада государю, но доклада не послѣдовало, какъ говоритъ слѣдующая помѣта приказа: „по сей выпискѣ не докладывано, потому что тѣ литовскіе люди *взяты къ Москвѣ*“... Рѣчь идетъ, очевидно, о тѣхъ литовскихъ людяхъ, которые въ Томскѣ были посажены въ тюрьму, но затѣмъ освобождены и отправлены въ Москву по случаю возвращенія плѣнныхъ вслѣдствіе заключенія мира съ Польшей (см. выше). Тѣмъ бездѣльнѣе представляется казнь 12 литовскихъ людей, стоявшихъ уже на порогѣ законнаго освобожденія отъ сибирской неволи!...

Н. Оглобинъ.

2007080016